

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь

Павелъ Николаевичъ!

Въ Январской книжкѣ Р. Старины я прочелъ въ „Воспоминаніяхъ“ г. Маркова о происходившей, будто-бы, у него бесѣдѣ съ покойнымъ М. Д. Скобелевымъ, въ которой Скобелевъ неуважительно и недружелюбно отзывался о бывшемъ своемъ начальникѣ, а мнѣ—близкомъ человѣкѣ, К. П. фонъ-Кауфманѣ.

Со словъ, яко бы, Скобелева, г. Марковъ передаетъ, что „Кауфманъ, недолюбливавшій бѣлаго генерала и ревновавшій его къ его народной славѣ, при осадѣ Хивы, поручилъ ему произвести съ казачимъ отрядомъ рекогносцировку у самыхъ стѣнъ города и немедленно вернуться съ донесеніемъ“.

Далѣе говорится, что Скобелевъ не только не вернулся съ донесеніемъ, но воспользовался даннымъ ему порученіемъ, чтобы съ „горстю казаковъ“ взять Хиву, водружить въ столицѣ ханства русскій флагъ и водвориться въ ханскомъ гаремѣ. И когда Кауфманъ съ войсками подошелъ къ цитадели, то все уже было кончено. Это Кауфмана такъ-де разсердило, что онъ Скобелева готовъ былъ „стѣсть живымъ“, „наплелъ на него въ Петербургѣ въ своей реляції“ и „обошелъ“ за Хивинскій походъ наградою.

Все это, по увѣренію г. Маркова, ему говорилъ М. Д. Скобелевъ и подтвердилъ артиллерійскій полковникъ Лифшацкій.

Полковника Лифшацкаго я не зналъ и опровергать ссылку на него г. Маркова не могу, но что Скобелеву г. Марковъ приписалъ

собственные измышления, въ лучшемъ случаѣ слышанныя имъ сплетни,—въ этомъ я не сомнѣваюсь.

Во-первыхъ, въ 1873 г., т. е. во время Хивинскаго похода, М. Д. Скобелевъ былъ еще юнымъ подполковникомъ, „народной“ славы тогда онъ еще пріобрѣсти не успѣлъ, въ генералы онъ произведенъ въ 1875 г., бѣлымъ генераломъ прозванъ въ Турецкую войну, а народнымъ героемъ сталъ послѣ Члевны. Слѣдовательно, если въ 1873 г. кто и ревновалъ его къ славѣ и служебнымъ успѣхамъ, то не командующій войсками, который, напротивъ того, провидѣвъ въ Скобелевѣ то, чѣмъ онъ потомъ оказался, поддерживалъ его и выдвигалъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ первый разъ, въ 1869 г., прибылъ въ Туркестанскій край.

Во-вторыхъ, въ Хивинскомъ походѣ Скобелевъ участвовалъ въ составѣ Кавказскаго отряда, а не Туркестанскаго, который вель лично Кауфманъ, а потому до соединенія отрядовъ, которое произошло въ день паденія Хивы, ни послать Скобелева на рекогносцировку, ни, тѣмъ болѣе, ожидать его немедленнаго возвращенія съ донесеніемъ Кауфманъ физически не могъ.

Въ третьихъ, вступивъ въ Хиву 29 мая 1873 г., Кауфманъ послалъ Скобелева на рекогносцировку 4 августа, но не къ стѣнамъ Хивы, а на пути отъ Змукишира къ Орта-Кую. Это отвѣтственное и рискованное порученіе Скобелевъ выполнилъ блестательно, 11 августа вернулся съ донесеніемъ и, по представлению Кауфмана, за оказанный подвигъ награжденъ св. Георгіемъ 4 степени.

Въ четвертыхъ, у Скобелева, какъ у всѣхъ выдающихся людей, было много завистниковъ и недоброжелателей, но никому, даже изъ клеветавшихъ на него, не приходило въ голову упрекать его въ низкихъ чувствахъ неблагодарности, которая покушается ему приспать г. Марковъ.

Какъ, въ дѣйствительности, относился Скобелевъ къ К. П. Кауфману, предоставимъ ему сказать самому.

Вотъ, что писалъ М. Д.—К. П. Кауфману, покидая Туркестанъ, на пути въ Дунайскую армію, изъ Казалинска 24 февраля 1877 г.:

„Позвольте, В. Высокопрев., еще и еще выразить вамъ мою глубокую сердечную признательность за все вами для меня сдѣланное; служба подъ вашимъ начальствомъ навсегда останется лучшимъ воспоминаніемъ моей жизни; не говоря уже о положеніи, извѣстной репутациіи, которую всепѣло вамъ обязанъ, но я въ особности долженъ никогда не забывать какимъ человѣкомъ я прибылъ въ вѣренный вамъ край въ 1869 г. и какимъ человѣкомъ

я теперь ъду въ дѣйствующую армію. Я въ полномъ смыслѣ слова ваше созданіе; сознаю это, всегда буду сознавать и горжусь этимъ...

Желаю вамъ здоровья, а себѣ счастья когда-либо опять васъ увидѣть, вамъ преданный и благодарный М. Скобелевъ“.

Письмо это напечатано въ статьѣ „Записки о М. Д. Скобелевѣ“, „Нов. Время“ 1883 г. № 2319 и слѣд.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

П. фонъ - Кауфманъ.

8 марта 1913 г. Спб.

